

Пожар Москвы

Я выбрал себе помещение в довольно красивом доме. Нас принял некто вроде управляющего. Богатые люди покинули город, но оставили в своих домах прислугу. Наш управляющий был человек догадливый; он правильно сообразил, что на погреб его барина будет сделан самый жестокий набег, и, желая предупредить, он выпил столько вина, сколько мог вместить его желудок. Он дорого поплатился за свою излишнюю предусмотрительность; когда начался пожар, не было никаких сил его разбудить, и он погиб в огне. Было 10 часов вечера. Мы с товарищами спали крепким сном. Нас разбудили жалобные вопли. «Пожар, пожар» — кричали зловещие голоса. Кое-как одевшись, мы выбежали на улицу. Небо пылало. Пожар надвигался со всех сторон и гудел, как вышедшая из берегов река. Горожане бежали вперемешку с нашими солдатами. В отблесках пламени на их лицах можно было прочесть выражение изумления и отчаяния. Мы приказали запрячь наши повозки и покинули город, держась направления Москвы-реки, протекавшей поблизости.

Я с одним из друзей бродил еще несколько времени среди этого разорения. Мы вышли на большую улицу. Несчастные полураздетые женщины и дети бежали со всех сторон, а перекрестный огонь уже грозил преградить им дорогу. Среди улицы поместилась старая маркитантка. Я ее узнал, видел ее утром того же дня, когда она отталкивала своим сильным кулаком гренадера, не хотевшего впустить ее в город. Теперь она стояла, вперив свои зелено-карие глаза в бегущих людей, она останавливала и обшаривала их. Поглощенный зрелищем страшного бедствия, я не обратил на старую маркитанку никакого внимания. В это время ко мне подходила группа людей, старик и двое или трое детей, молодая девушка, прекрасная лицом несмотря на свою бледность, и женщина, которую два человека несли на носилках. Все они плакали надрывающими сердце рыданиями. Старая маркитантка внезапно бросилась к больной женщине, принялась рыться в ее одежде, ища, не спрятаны ли там какие драгоценности.

Этого с меня было довольно на этот день, чтобы прийти в ярость. Я схватил негодяйку. Да простит мне небо за то, что я ударил женщину. На другой день мы разбили бивак в двух верстах от Москвы, где и провели 5 дней.

Наконец, пожар стих, и мы вернулись в город, где каждый постарался устроиться в уцелевших домах. О беспорядках и смятении, сопровождавших это печальное событие, рассказывали немало. Говорили о формально разрешенном грабеже, о нарушении дисциплины, о том, что генералы и солдаты, победители и побежденные сталкивались среди развалин и дрались из-за добычи золота, драгоценностей, а главное, из-за съестных припасов, которые бы позволили им прожить несколько дней.

Собаки жалобно выли и по своему врожденному патристическому инстинкту бросались на пришельцев, захвативших дома их хозяев. Надо сказать, что причины пожара Москвы были очень сомнительны и остались невыясненными. Много поджигателей, одетых в лохмотья и с лицами разбойников и рабов, было схвачено на месте преступления с роковыми факелами в руках.

Это были, без сомнения, русские люди; их видел и я лично и вся армия. Трусы, отдавшие им приказ разрушать и убивать, скрылись; клеймо мстителя, которое должно было запятнать их, они постарались отвести от себя и указывали причину бедствия в невоспитанности цивилизованных наций. Они посмели обрушиться на французов с осуждением, которое тяготело над ними самими. Поистине странная стыдливость деспотов.

Сегюр нарисовал блестящую и стильную картину пожара Москвы, жаль только, что он изобразил Наполеона, с своей гвардией и армией в беспорядке покидающего Кремль и бегущего среди пылающих улиц. Наполеон ехал вдоль реки и, если такое отступление было менее драматично, зато оно более соответствовало правилам здравого смысла.

Дюверже